

Дмитрий ЛАРИОНОВ

Родился в 1991 году в городе Кулебаки Нижегородской области. Окончил филологический факультет Нижегородского государственного университета им. Лобачевского, занимался журналистикой и литературоведением.

Стихотворения публиковались в журналах «Дружба народов», «Звезда», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Нижний Новгород», «Плавучий мост», «Урал», «Юность», а также в альманахе «Летопись» (Сербия) и в ряде антологий.

Лауреат премии Нижегородской области имени А.М. Горького. Финалист премии «Лицей», Всероссийского фестиваля молодой поэзии «Филатов Фест» и национальной литературной премии «Слов».

Живет в Санкт-Петербурге.

ХРОНОМЕТРАЖ ПУСТОЙ СЛЕЗЫ

Амулет

На сломе ветреного дня
/его едва пережимая/
он был за сеточкой дождя,
в неясных числах мая.
Назад к оптической петле,
какой простор в сетчатке глаза!

А одуванчик – амулет –
был ниткой солнца назван.
Найду кассету VHS,
поставлю видео вторично,
где дед, курмыш, весенний лес.
Но в кадре герметичном

иное видится кино:
все звезды кажутся глазами,
и запах яблони земной
едва ли осязаем.
Прости, пожалуйста, меня
за горстку слов, неровный почерк,

за то, что жизни не обнять,
а время – станет почвой,
когда закончится сезон
/а в общем нитку эту – на-ка/.
Дорогу вымостим слезой
иного океана.

Там вечер начинался с рокота грозы,
и мальчик уходил в косую воду –
через репей – за вспышкой стрекозы.
Она не проявлялась с ходу,

а он достраивал ансамблем в голове
такие перекрестные детали,
что из одной сходились сразу две,
но на глаза не попадали.

Росли пунктирами у ясного пруда,
где небо фиолетовым бродило,
кустарники. Но память так тверда,
что стало яблоком кадило:

на вкус оно пожар /и ни к чему теперь/.
За гаражом ослеп пустырь в миноре,
и стрекоза – горит сухой репей –
вмерзает в зрение глазное.

Свечение

I

<...> минувшее лето – не кадр из ч/б
/пластинка играет/, а свет по тебе.
Нам отблески множил хрусталик речной –
оплыл на Фонтанке холодной пчелой.
Вином и клубникой минута текла
/фонетику счастья снимает игла/,
где август негромок и в срок не угас.
Двойная пыльца нарастала у глаз.

II

Капрон тротуаров и льдинку на лбу
хранит моя память. За то и люблю
вплетение звука – недолгий мотив,
снижение чаек, что выше молитв.
Пусть встречу венчает живая свеча
на каждое лето /и дождь замолчал/,
чтоб тьма грозовая задеть не смогла
над Финским заливом сухого крыла.

Пока не спит шустровский ангел
и осень смыслом вопреки
/снежок сгорает на Фонтанке/
ему бинтует плавники,

отправь в засвеченную память,
что годы выбили насквозь.
Так листья складывают пламя,
где невозвратное сбылось.

И, стало быть, в петле от семпла
остался кто-то вроде нас:
но ткань распада не окрепла,
едва ли видима для глаз.

Вобрав мгновение до фильтра
/все расстояния/, скажи,
что первый снег годится к титрам.
И к месту прочерка нажим,

в котором свет не пустит корни.
Сухое солнце вдалеке
латает вслух последний дворник
на ленинградском языке.

* * *

Пока есть память */времени муляж/*
и сигарета у вокзала –
пустой слезы смахну хронометраж
/чтоб на меня не указала/.

<...> давай летать по линиям В. О.
без проводов; а станет мало –
потянет в стопку вылить вещество
и небо, полное фиалок.

Пусть сумерки ползут издалека,
в наддомном мареве излишне
/смотри/ мигают звезды коньяка
под ДДТ и Joy Division.

А если неба... нет в моих глазах
/одни цветы в глубокой саже/,
сбежит – и образуется – слеза.
Перемигнув, тебя укажет.